

Н. Н. УБУШАЕВ

**ДЕЛОВЫЕ БУМАГИ
НА СТАРОКАЛМЫЦКОЙ
ПИСЬМЕННОСТИ КАК ИСТОЧНИК
ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ КАЛМЫЦКОГО
ЯЗЫКА**

Для воссоздания истории развития языка большое значение имеет изучение живых разговорных языков и их диалектов. Это положение относится к бесписьменным языкам, для которых данные живых диалектов являются единственным источником исторического изучения.

Для калмыцкого же языка, письменная традиция которого восходит к XIII столетию, современные диалекты рядом с данными письменных памятников прошлого представляют собой два основных источника.

Но письменные памятники по своему содержанию, характеру, по своим жанрам не всегда одинаково отражают все стороны языка, все его богатство: в них слабо отражаются черты живого разговорного языка.

Ценность показаний современных говоров и диалектов для истории языка связана со специфическими особенностями их развития по сравнению с письменным литературным язы-

ком. Письменный литературный язык, скованный традицией письма, изменяется медленнее, чем живые говоры, в нем, как правило, избегаются узко местные, диалектные формы, поэтому литературный язык вообще более устойчив, чем устный. в нем меньше как архаизмов живого языка, так и новообразований, широко бытующих в последнем. Напротив, живые говоры, для которых отсутствовала письменная традиция, развивались более естественно, одинаково сочетая в себе и архаизмы, и неологизмы.

Не менее важным является изучение деловых бумаг, отражающих прежнее состояние живого разговорного языка и поэтому занимающих несколько особое положение по отношению к этим двум основным источникам изучения истории языка. Деловые документы и письма на старокалмыцкой письменности, как письменные памятники, стремятся следовать традиции письма, но вместе с тем по своему характеру и цели, по своей будничности все больше впитывают в себя элементы разговорного языка.

О разговорном характере языка деловых бумаг на старокалмыцкой письменности говорил еще Вл. Л. Котвич. Он пишет: «Рассмотрение ойратских и калмыцких писем XVII и первой половины XVIII вв. показывает, что все они... основываются на живом произношении»¹. Такого же мнения придерживался и акад. Б. Я. Владимирцов. «Выполняя функции делового языка,—пишет он,—ойратский

---

¹ Вл. Л. Котвич. Русские архивные документы XVII и XVIII вв. (Известия Российской АН, 1919 г., стр. 1204).

письменный значительно сближился с народной речью, в остальных же областях литературы он почти везде остался в застывших формах, раз установленных Зая-Пандитой и его школой»¹.

Таким образом, деловые бумаги наиболее полно отражают живой язык XVIII—XIX столетий. Поэтому деловые бумаги на старокалмыцкой письменности наряду с письменными памятниками, с диалектами живого разговорного языка должны быть основными источниками в деле изучения истории калмыцкого языка.

Некоторые особенности старокалмыцкой письменности и литературного языка XVIII столетия, зафиксированные в деловых бумагах, и являются предметом нашего сообщения.

В Центральном государственном архиве Калмыцкой АССР нами были просмотрены письма, относящиеся к 1713—1768 годам. Из всех писем нами использовано около 21, среди которых письма Аюки хана за 1713, 1723 гг.; письма Чагдоржапа за 1713, 1714 годы; письма калмыцкого владельца Лабан Дондук за 1740 год; письма владельца Церен-Убуши за 1768 год; письма Дондук Омбо за 1740 год.

Все эти письма адресованы представителям русской власти и характеризуются одинаковым зачином, напр.,

Чагдоржап энде би мендү, Махали Илийичи

Чагдоржап энде би мендү, Махали Илийичи

---

¹ Б. Я. Владимирцов. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Л. 1929 г., стр. 26.

генде мендү беизе,³ (я. Чагдоржап, здесь здоров, Михаил Ильич; вероятно, там тоже здоров); и одинаковой концовкой ~~...~~ элчи щүрүм табулла⁴—«посол Чюрюм впятером» (по числу лиц, сопровождавших посла). Иногда к такой концовке добавляют название местности, откуда написано письмо. Такая устойчивая схема построения письма, видимо, свидетельствует о том, что у калмыков существовал свой особый эпистолярный стиль.

Языковые же особенности этих писем суть фонетического, морфологического, синтаксического, лексического, диалектного характера.

К фонетическим особенностям относится чередование среднеязычной смычной аффрикаты (ч) с переднеязычным фрикативным (ш).

Например, ~~...~~

ниге чидбүр цаһан һулир⁵ «один мешок белой муки». Здесь слово чидбүр «рогожа, мешок», соответствует современному шитвр, где смычный среднеязычный (ч) перешел во фрикативную (ш). В слове ~~...~~ һулир «мука» в современном языке произошло чередование л/й һуйир (ср. көлсн, көлрх, но көйрх).

В предложении ~~...~~

³ Письмо Чагдоржапа от 1713 г., ЦГА Калмыцкой АССР, ф. 36, оп. 1, ед. хр. 1, л. 29.

⁴ Его же от 1713 г. ЦГА Калмыцкой АССР, ф. 36, оп. 1, ед. хр. 1, л. 32.

⁵ Там же.

хойор бичик нада ацаражи өгбө⁶ «принесли мне два письма», представляет интерес слово — ацаражи «принесши», которое состоит из двух слов: **авчи иржи**, слившихся в одно слово. При образовании синтетической формы первое слово утратило губно-зубной согласный (в) и редуцированный гласный (и); во втором слове начальный гласный (и) ассимилировался с гласным (а) первого слова. Средняяязычная шипящая аффриката (ч), оказавшись перед широким заднего ряда гласным (а), перешла в свистящую переднеязычную аффрикату (ц). Таким образом, в результате сложного и длительного процесса из двух разного ряда слов образовалось одно слово (**ацаражи**), соблюдавшее все особенности закона сингармонизма.

Изучая деловые бумаги, также можно заметить переход широкого переднеязычного гласного (е) в узкий переднеязычный (и). Если в этих документах мы читаем: **йерен, Эжил, гежи, йеке**, то в современном языке эти слова произносятся: **йирэн, Ижил, гижиги, ики**.

На основе изучения деловых бумаг также можно сказать, что образование долгих гласных в зая-пандитской письменности не было завершено. Об этом свидетельствует разный способ обозначения долгих гласных в заяпандитской письменности, где долгие (у:), (ү:), (и:) соответственно передаются знаками:

ᠠ, ᠡ, ᠢ, ᠣ, ᠤ, ᠥ, ᠦ, ᠮ, ᠮᠣ, ᠮᠤ, ᠮᠥ, ᠮᠦ, ᠮᠨᠢ, ᠮᠨᠣ, ᠮᠨᠤ, ᠮᠨᠥ, ᠮᠨᠦ, ᠮᠨᠨᠢ, ᠮᠨᠨᠣ, ᠮᠨᠨᠤ, ᠮᠨᠨᠥ, ᠮᠨᠨᠦ, ᠮᠨᠨᠨᠢ, ᠮᠨᠨᠨᠣ, ᠮᠨᠨᠨᠤ, ᠮᠨᠨᠨᠥ, ᠮᠨᠨᠨᠦ

Если долгий (и:) ᠮᠨᠨᠢ обозначали, может быть,

⁶ Письмо калмыцкого хана Дондук Омбо от 19 февраля 1740. ЦГА Калмыцкой АССР, ф. 36, оп. 1, ед. хр. 118, л. 124.

именно так, чтобы отличить его от *а*, который передает (а:), (э:), иногда (после о, ө) о:, ө: и мягкость предшествующих звуков, то обозначение *а̇* (у:), *ӓ* (у:) удвоением одних и тех же знаков, видимо, надо объяснять неполной завершенностью стяжения гласных в один долгий звук. Кроме указанных выше способов передачи долгих гласных (удвоение одних и тех же знаков, диакритический знак «удан»), в старокалмыцкой письменности мы встречаем также способ передачи одного долгого звука двумя разными буквами. Так, например, долгий (у:), кроме начертания *у̇*, передается сочетанием знаков (оу) *а̇*; долгий же (ү:), кроме начертания (үү) *а̇*, передается сочетанием знаков (өү). *а̇*

Баса өбөрө занги болхона келөүлжи илгектүн⁷—«если есть еще и свои новости, то сообщите». Такая передача долгих гласных сочетанием разных знаков наиболее наглядно показывает незавершенность образования долгих гласных.

Что же касается долгих гласных дифтонгического происхождения, то, надо сказать, что их в старокалмыцкой письменности не было. Но в деловых бумагах начала XVIII столетия, где наблюдаются отклонения от норм орфографии, установленных Зая-Пандитой, в сторону разговорного языка наблюдаются обо-

что же касается долгих гласных дифтонгического происхождения, то, надо сказать, что их в старокалмыцкой письменности не было. Но в деловых бумагах начала XVIII столетия, где наблюдаются отклонения от норм орфографии, установленных Зая-Пандитой, в сторону разговорного языка наблюдаются обо-

⁷ Письмо Аюки-хана от января 1713 г. ЦГА Калмыцкой АССР, ф. 36, оп. 1, ед. хр. 1, л. 4.

не могло произойти такое большое изменение в языке, как процесс образования долгих гласных из дифтонгов. Мы не имели возможности ознакомиться с письмами более раннего периода, но думаем, что этот короткий промежуток времени (65 лет) можно было бы еще сократить. Пусть даже 65 лет, даже и тогда невозможно представить образование долгих гласных из дифтонгов. Не будь долгих гласных в живом языке калмыков никому бы не пришло в голову определять пути развития дифтонгов в долгий гласный, не то чтобы обозначать их на письме.

Поэтому разное начертание одних и тех же дифтонгов в словах **беизе**¹¹—**биизе**¹² «возможно, вероятно, должно быть», **теими**¹³—**тиими**¹⁴ «такой» нельзя объяснять отсутствием нормализованного правописания в старокалмыцкой письменности. На наш взгляд, они являются отражением борьбы письменной традиции, то есть узаконенных Зая-Пандитой особенностей восточно-монгольских диалектов, и особенностей живого произношения калмыков. Надо полагать, что калмыки уже тогда говорили: **биизе, тииме**, но писали **беизе, теими**.

В письме Аюки-хана к астраханскому губернатору есть такое выражение:

Аюки ханга

¹¹ Письмо Чагдоржапа от 1714 г. ЦГА Калмыцкой АССР, ф. 36, оп. 1, ед. хр. 2, л. 22.

¹² Письмо Чагдоржапа от 1713 г. ЦГА Калмыцкой АССР, ф. 36, оп. 1, ед. хр. 1, л. 54, см. также примечание № 21.

¹³ Письмо Аюки-хана от января 1713 г. ЦГА Калмыцкой АССР ф. 36, оп. 1, ед. хр. 1, л. 4, см. примечание № 6.

¹⁴ Письмо калмыцкого хана Дондук Омбо от 26 июля 1740 г. ЦГА Калмыцкой АССР, ф. 36, оп. 1, ед. хр. 1, л. 445.

Тенге:се йабуксан элчи¹⁵ «посол, ехавший с Дона». Из этого предложения видим, что исходный падеж имеет окончание—эсэ. В то же время нам известно, что Зая-Пандита устанавливал для исходного падежа окончание—эце. Но это не два разных окончания. Это одно и то же окончание, только на разных ступенях развития. Здесь, видимо, прав Л. Р. Зиндер, утверждая, что «графические системы отстают от звуковой эволюции языков», что «они отражают состояние графики не одной, а ряда предшествующих эпох»¹⁶. Поэтому эцэ — отражение прежней формы исходного падежа и не является заимствованием из монгольского письменного языка, как некоторые склонны думать. Это окончание—эцэ является этимолом, из которого впоследствии развилось окончание, которое встречаем в деловых бумагах. Процесс же развития этого окончания довольно-таки прост. Смычно-щелевая аффриката (Ц) в интервокальной позиции утратила смычную свою часть и превратилась во фрикативную (С) — произошла дезаффрикация.

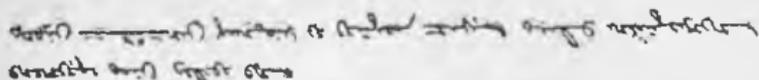
Если окончание—эцэ в ранний период заяпандитской письменности не подчинялось законам сингармонизма, то в XVIII столетии оно уже подчиняется гармонии гласных и в зависимости от твердости и мягкости, огубленности и неогубленности гласных предыду-

---

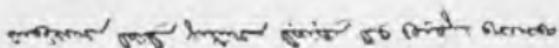
¹⁵ Письмо Аюки-хана от января 1713 г. ЦГА Калмыцкой АССР, ф. 36, оп. 1, ед. хр. 1, л. 4.

¹⁶ Л. Р. Зиндер. К вопросу о фонологической интерпретации данных древней письменности. Вопросы теории и истории языка. ЛГУ, 1963 г., стр. 145.

щих слогов имело разные формы: **ө:сө, ү:сэ, э:сэ; а:са, у:са, о:са (о:со)**. Например,

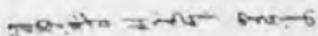
төүни зарһуиги саитур ке гексен зака: танду ирексеиги бичиге:се тани медебе би. «О том, что пришел приказ, чтобы хорошо был проведен суд, я узнал из вашего письма»¹⁷.

Хабуриин дунда сараин дөнөн дү Күмү:се бичибе¹⁸. «Пишу из Кумы четвертого числа среднего месяца весны».

Йеке цаһа:н хана:с занги бий болхуна келүүлүктүн.¹⁹ «Если есть вести от великого белого царя, то сообщите

Хобоносо занги байину.²⁰ Есть ли вести из Кубани?

Подобное же явление наблюдается также в творительном падеже. Если в ранний период заяпандитской письменности творительный падеж имел окончания йер, бер, то в XVIII столетии появляются—**а:р,—о:р,—и:р,—ө:р,—**

---

¹⁷ Письмо калмыцкого хана Дондук Омбо от 19 февраля 1740 г. ЦГА Калмыцкой АССР, ф. 36, оп. 1, ед. хр. 118, л. 124.

¹⁸ Его же, от 5 марта 1740 г. ЦГА Калмыцкой АССР, ф. 36, оп. 1, ед. хр. 118, л. 159.

¹⁹ Письмо. ЦГА Калмыцкой АССР, ф. 36, оп. 1, ед. хр. 1, л. 7.

²⁰ Там же.

наречия места **наа** плюс аффикс направительного падежа—**ру** и плюс окончание **н**.

Handwritten notes in Cyrillic script, partially illegible.

гножи йуумаини аба:д бейени ца:ру шаду илгел угей **на:ру** хариулжи²⁴—«ограбив, их дальше не пустили, а вернули сюда». В дальнейшем, в процессе делабиализации огубленных гласных в непервых слогах и полного сращения составных его частей это слово стало трудно расчленимым и, если судить по этим документам, окончание **н** появилось гораздо позднее.

Деловые бумаги имеют большое значение также при изучении лексики калмыцкого языка. Многие слова калмыцкого языка по тем или иным причинам выпали из памяти народа. В восстановлении забытых слов значение деловых бумаг неопределимо. Так, в этих документах можно встретить такие старокалмыцкие слова как:

бий—есть, иметься, находиться

йосон—закон

өтөр—скоро, быстро

нең—очень, весьма, чрезвычайно

биизе—возможно, вероятно

нииде нурһар—народ, общество

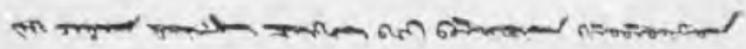
хаирлаху—любить, дорожить, жалеть

зарлик—указ и т. д.

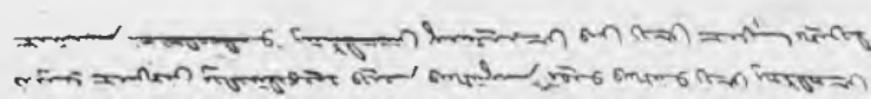
Также деловые бумаги на старокалмыцкой письменности служат материалом изучения диалектных особенностей калмыцкого литературного языка. Так, читая переписку калмыцких ханов, часто приходится встречать особен-

²⁴ Письмо Чагдоржала от января 1713 г. ЦГА Калмыцкой АССР, ф. 36, оп. 1, ед. хр. 1, л. 2.

ности торгутского диалекта. В современном торгутском диалекте переднеязычный щелевой сонант (л) часто чередуется с переднеязычным смычным сонантом (н), например, Лижи—Нижи (имя) төөле—төөне «круг, пятно, звездочка» (на лбу). Подобное явление мы встречаем и в языке деловых бумаг. Например, йеке ца-

һан ханас занги бий болхона келүүлүктүн²⁵
«если есть вести от великого белого царя, то сообщите». В этом предложении слово **болхона** «если» соответствует общекалмыцкому **болхула**.

Кроме общекалмыцких окончаний—ин, —э, —н, родительный падеж торгутского диалекта имеет окончание—ан, —эн. В письме владельца дербетовского улуса Церен-Убаши к астраханскому губернатору Никите Афанасьевичу Бекетову читаем:

захан нойодуудту мордожи саглажи бай гежи зак:а илгед йамар зангини медегдетеле белен байгсан сайн улу баиху гежи мордожи²⁶. «Послав пограничным нойонам наказ выступать и быть осторожными, и пока придет от них весть, будет хорошо, если будут наготове — сказав так, стали собираться».

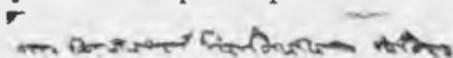
Следующей диалектной особенностью дело-

---

²⁵ Письмо ЦГА Калмыцкой АССР; ф. 36, оп. 1, ед. хр. 1, л. 7.

²⁶ Дело 1768 г. о владельце дербетовского улуса Церен Убуши, о грабежах, произведенных калмыками, о моздокских горцах и проч. ЦГА Калмыцкой АССР, ф. 36, оп. 1, д. 408, л. 48.

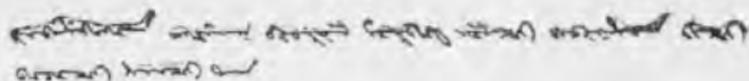
вых бумаг на старокалмыцкой письменности является то, что суффикс волюнтативной формы I-го лица состоит из йота и какого-нибудь гласного звука. Например,

Энэ күүниитен мөнгөнгү өгөей²⁷. «Давайте отдадим деньги этого человека». Такой же суффикс (й+гласный) встречается в торгутском диалекте. В дербетском же диалекте этот суффикс употребляется без дополнительного гласного звука, например, йовий, өгий.

К особенностям деловых бумаг также следует отнести отсутствие в нем направительного падежа в том виде, какое мы имеем в современном дербетском диалекте, с аффиксами —ур, —үр. Отсутствие такого направительного падежа в языке калмыков XVIII века сближает этот язык с торгутским диалектом современного калмыцкого языка.

Кроме таких фонетических, морфологических и других диалектных особенностей, имеются также диалектизмы лексического характера. Так, в письме калмыцкого хана Дондук Омбо мы читаем:

йабашкин аймак буурул меркид олжи абуксан гежи бичижи санжи та²⁸. «Оказывается, вы писали, что нашел голубой меркид». Здесь встречается слово «санжи», которым в торгут-

²⁷ Письмо Чагдоржапа от 1713 г. ЦГА Калмыцкой АССР, ф. 36, оп. 1, ед. хр. 1, л. 38.

²⁸ Письмо ЦГА Калмыцкой АССР, ф. 36, оп. 1, ед. хр. 118, л. 124.

ском диалекте часто заменяется слово «бээжи». Слово «санжи» — «было; оказывается, было так», на наш взгляд, Вл. Котвич справедливо относит исторически к сочетанию «аксан ажигу»²⁹.

Handwritten text, likely bleed-through from the reverse side of the page.

Намар баса занги бий болхона келүүлүктүн³⁰.
«Если есть еще какие вести, передавайте».

Handwritten text, likely bleed-through from the reverse side of the page.

Баса ниге шобуун мини алдуулксан баса тани күүн барижи.³¹

«Еще одна моя птица улетела и снова поймал ваш человек». В этих предложениях мы наблюдаем слово «баса», которое часто встречается в речи торгутов, дербеты же это слово нередко заменяют словом «дэкэд».

Таким образом, язык деловых бумаг по своим особенностям, по своей близости с живым разговорным языком калмыцкого народа XVIII—XIX вв., занимает несколько особое положение по сравнению с языком других видов письменных памятников, где писец, стараясь строго следовать традициям письма, скупо отражал язык народных масс.

Изучая деловые бумаги на старокалмыцкой письменности, можно наиболее полно установить историю развития калмыцкого языка. Изучение деловых бумаг позволяет проследить развитие языка на всех его уровнях, на

²⁹ Вл. Котвич. Лекции по грамматике монгольского языка, Спб, 1902, стр. 124.

³⁰ Письмо ЦГА Калмыцкой АССР, ф. 36, оп. 1, ед. хр. 1, л. 7.

³¹ Письмо Чагдоржапа от октября 1713, ф. 36, оп. 1, ед. хр. 1.

чаянная от фонетики и кончая синтаксисом и лексикой.

Велико значение деловых бумаг также для исследования диалектных особенностей языка прошлых веков. Большое значение деловым бумагам для выявления диалектных особенностей придавал акад. Б. Я. Владимирцов. Он говорил, что «диалектические инновации, литературные диалекты с особой легкостью выявляются в деловом языке»³².

Итак, деловые бумаги на старокалмыцкой письменности, подкрепленные другими видами памятников письменности и современными диалектами языка, являются одним из основных источников изучения истории калмыцкого языка.

---

³² Б. Я. Владимирцов. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Л. 1929 г., стр. 30.